

— Что значит всё это затишье, что значит всё это сбылось? О чём вы с Цзян Чэном толкуете загадками? — спросил Вэй Усянь.

— Старший брат, если ты не понимаешь, о чём речь, то зачем ты вообще здесь? — озадаченно спросил Пятый младший брат.

Вэй Усянь не сдержался и закатил глаза:

— Меня сюда притащили Цзинь Лин и один странный юноша. Мало того что я три дня торчал здесь, как истукан, так меня ещё и бык поддел, а потом я полдня пугался то Феи, то белого волка, то какого-то белого чудища в человеческом обличье. Я пытаюсь выяснить, что происходит, но Цзян Чэн и Цзинь Лин и рта не раскрывают. А двое стариков, что здесь живут, вообще немые. Откуда мне знать, что тут творится?

Выслушав его, Пятый младший брат не смог сдержать улыбку. Он провёл рукой по подбородку, а затем подпер его рукой, опирающейся на подлокотник кресла-коляски, словно погрузившись в раздумья.

— Супруг мой, какую новую пакость ты задумал? — с улыбкой спросила женщина.

Пятый младший брат рассмеялся:

— С чего ты взяла, жена, что я замышляю пакость?

Пока женщина смеялась, к Пятому брату подбежал мальчишка и, обняв его, принялся что-то шептать на ухо. Пятый брат расхохотался во весь голос.

Глядя на эту идиллическую картину, Вэй Усянь, несмотря на множество вопросов, решил пока промолчать.

Пятый младший брат, блеснув глазами, представил свою семью:

— Это моя жена, госпожа Хуа, её зовут Чжаоди. А это мой сын, Лю Ваньин.

— Приветствую старшего дядю! — госпожа Хуа склонилась в поклоне.

— Приветствую старшего дядю! — подошёл к Вэй Усяню Лю Ваньин.

— Хорошо! Хорошо! Хорошо! — только успел произнести Вэй Ин, как за воротами двора послышались громкие крики.

— Сычжуй, Цзычжэнь, скорее сюда! Старший Вэй здесь! — голос показался знакомым. А когда Вэй Ин увидел, кому он принадлежит, то и вовсе удивился — это был Лань Цзинь, а следом за ним шли Лань Сычжуй и ещё один юноша, лицо которого казалось Вэй Ину смутно знакомым,

но имени вспомнить не удавалось.

— Старший Вэй, вы в порядке? — с беспокойством спросил Лань Сычжуй.

— Цзинь Лин совсем распоясался! Как он посмел вас связать? Я задам ему трёпку! — возмутился Лань Цзинь.

— И то верно, как Цзинь Лин может быть таким негодяем, — добавил Цзычжэнь.

Трое юношей наперебой принялись ругать Цзинь Лина и интересоваться состоянием своего старшего. Вэй Усянь лишь беспомощно кивал, повторяя: хорошо, хорошо.

Пятый младший брат наблюдал за этим с мягкой улыбкой, думая о том, как же хорошо, что его старший брат всё так же любим окружающими.

В этот момент госпожа Хуа и Ваньин помогли старикам принести чай для гостей. Казалось бы, ничего особенного, но тут Пятый младший брат обронил:

— Это мои отец и мать.

Вэй Усянь чуть не подавился чаем. Он ведь только что кричал на этих стариков и хватал их за одежду! Что теперь делать? Может, поклониться и извиниться?

Не успел он ничего предпринять, как прямолинейный Лань Цзинь выпалил:

— Ну и ну, как же некрасиво получается! Сам разодет как принц, а родители у тебя в обносках, как слуги, прислуживают!

— Цзинь, не болтай лишнего, — не выдержал Лань Сичэнь.

— Супруг, я пойду помогу свёкру и свекрови приготовить угощение, — сказала госпожа Хуа.

— Благодарю вас, матушка, отец, и тебя, жена, — ответил Пятый младший брат.

Госпожа Хуа больше ничего не сказала и ушла в дом вместе с ребёнком и стариками.

— Господа, не желаете послушать историю? — с улыбкой спросил Пятый младший брат. Впрочем, его не особо заботило их желание — он даже не дал Вэй Усяню вставить слово, хотя того куда больше интересовало, что происходит за стеной. Пятый брат, не дожидаясь ответа, начал свой рассказ.

История была такова:

В одну снежную ночь глухонемые супруги, возвращаясь с работы, нашли на дороге младенца в пелёнках. Увидев, что губы у ребёнка посинели, а половина лица покрыта кроваво-красным пятном, они, испугавшись за его жизнь, немедленно отнесли его к единственному в деревне лекарю.

Лекарь осмотрел малыша и выяснил, что тот просто голоден и у него небольшой жар. Но ребёнок был таким крошечным и слабым, что лекарства нужно было подбирать крайне осторожно. Он велел немым супругам раздобыть козьего молока, попросил свою жену переодеть малыша в сухое, а сам принялся готовить отвар.

Труды не прошли даром — к рассвету жар спал, и личико младенца приобрело здоровый оттенок. В пелёнках жена лекаря нашла письмо, раскрывающее тайну происхождения ребёнка.

Смысл письма был примерно таков:

Родители этого ребёнка — богачи из города. Когда сын родился, половину его лица закрывало красное родимое пятно, внушающее ужас. Семья пригласила гадалщика, и тот заявил, что ребёнок с инь-ян лицом принесёт в дом беду и его необходимо убить.

— Убить? Неужели они хотели убить младенца?! — первым воскликнул Лань Цзиньи.

— Какой ужас! — вторил ему Оуян Цзычжэнь.

— Не горячитесь, послушайте сначала, что скажет старший, — призвал к спокойствию Лань Сычжуй.

— В письме говорилось, что отец не хотел этого делать, но вспомнил, что жена, всегда отличавшаяся крепким здоровьем, во время беременности постоянно болела, а после родов скончалась от потери крови. Он решил оставить ребёнка на дороге, а в пелёнки вложил сто лянов серебра, надеясь, что кто-то с добрым сердцем возьмёт его на воспитание. А если ребёнок не выживет — чтобы эти деньги пошли на его погребение.

— Что за чушь! — возмутился Лань Цзиньи.

— Бросили младенца на дороге, а теперь хотят показать, какие они добродетельные отцы? — добавил Цзычжэнь.

Сычжуй, не столь эмоциональный, как его друзья, тихо произнёс:

— Ребёнку нужны не золото и серебро, а любовь и забота семьи.

Вэй Усянь промолчал, лишь взглянул на эту троицу, подумав про себя: такие же наивные, упускают самое важное, явно им не хватает жизненного опыта.

Пятый младший брат продолжил:

— Лекарь был в ярости. Он злился не только на отца, который из-за пустых слов выбросил дитя, рождённое ценой жизни матери, но и на жадных людей, которые могли бы забрать деньги, бросив ребёнка на произвол судьбы.

— Пойдите! А откуда лекарь мог знать, что это не немые супруги забрали деньги? — спросил Лань Цзинь.

Как только он это произнёс, Лань Сычжуй легонько пнул его ногой.

— Была ли семья лекаря знакома с этой парой? — спросил Сычжуй.

Пятый младший брат посмотрел на юношу и своего старшего брата, и его улыбка стала ещё шире. Но он не забыл о сути дела и продолжил:

— Моего отца в деревне сейчас называют Глухим стариком, в молодости звали Глухонемым, а в детстве — Маленьким Глухонемым. А его отца, моего деда, все звали Стариком Лю.

В этот момент и у троих юношей, и у Вэй Усяня появилось непреодолимое желание надавать рассказчику тумаков. Но Пятый брат, не обращая внимания на их реакцию, продолжал болтать:

Когда у Старика Лю родился второй сын, он был пухлым и милым, и никто не подозревал о проблемах. Лишь когда другие дети в деревне уже вовсе спорили с родителями, в семье Лю начали беспокоиться. Сначала они утешали себя тем, что ребёнок просто поздно заговорил и это сулит ему великое будущее. Но слова лекаря о том, что мальчик немой от рождения и лечению не подлежит, разом разрушили все надежды семьи Лю.

Лекарь успокоил их, предложив приводить сына к нему учиться грамоте, чтобы тот не остался на всю жизнь беспомощным и не был вынужден держать всё в себе.

Старик Лю был глубоко тронут. Тот лекарь был не только единственным врачом в округе, но и единственным грамотным человеком, единственным учителем. Старик знал, что лекарь — человек добрый: он обучал деревенских детей грамоте бесплатно, не глядя на их достаток. Но его сын был болен, и лекарь всё равно согласился его взять — это стало последней надеждой для всей семьи.

С тех пор оба сына из семьи Лю каждый день ходили к лекарю учиться. Семья Лю жила неплохо, и в знак благодарности они часто приносили лекарю деньги и зерно. Но лекарь почти ничего не брал, возвращая большую часть обратно со словами: пусть эти деньги останутся детям, ведь немому мальчику будет нелегко в жизни, и чем больше у него будет сбережений сейчас, тем меньше трудностей ждёт его в будущем.

— Лекарь — хороший человек, но при чём тут всё это? — снова подал голос неугомонный Цзинъи.

— Цзинъи, не перебивай старших, — заметил Лань Сичэнь.

— Есть! — хором ответили Лань Цзинъи и Лань Сычжуй, после чего замолчали и стали слушать. Оуян Цзычжэнь тоже решил больше не подавать голоса. Глава клана Лань говорил мягко, но ослушаться его никто не смел.

Пятый младший брат, казалось, вовсе не заметил этого:

Лекарь был добр, а семья Лю знала, что такое благодарность. Видя, что лекарь и его близкие не очень сильны в земледелии, они помогали им, а сами лекарь занимался сбором трав, выращивал лекарственные растения в саду, сушил их и возил в город на продажу. Семья Лю часто передавала лекарю свежие овощи и фрукты, и лекарь пытался вернуть за них деньги, но мальчики ни в какую не соглашались их брать. Тогда лекарь шёл к Старику Лю, а тот уговаривал его принять дары, говоря, что овощи и фрукты — не зерно, они быстро портятся, а у них самих их в избытке, так что пусть лучше лекарь с семьёй поедят, чтобы добро не пропадало. В конце концов лекарь сдавался. Так и повелось: они обменивались услугами, и семьи становились всё ближе.

Лекарь был хорош в чтении и врачевании, но физический труд давался ему нелегко. Всю тяжёлую работу по дому брал на себя Старик Лю: чинил крышу, отвозил лекарства в город. Иногда другие деревенские жители просили Старика Лю передать лекарю плату за обучение или за визиты, и он никогда ничего не путал.

Если Старик Лю сомневался в чём-то, он всегда шёл советоваться к лекарю. Так и жили — помогая друг другу, в мире и согласии.

<http://bllate.org/book/24021/2753719>